

Международный литературно-художественный,
научно-критический, культурно-просветительный альманах

Полевые цветы

№2

野
花

Международная ассоциация
«МАСТЕРА ПОЭТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ»
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
при поддержке Акитской международной сети хайку, танка и сенрю
AKITA INTERNATIONAL HAIKU, TANKA, SENRYU NETWORK,
Акитской международной ассоциации хайку
Akita International Haiku Association
и Общероссийской общественной организации
«Общество «Россия - Япония»
全ロシア社会組織「ロ日協会」

Москва
2018

Главный редактор – Сергей Сергеевич Антипов

Редакционный Совет:

Председатель: Л.К. Котюков

Заместители Председателя: И.Е. Витюк, А. А. Долин

Ответственные секретари: И.А. Шевченко, Л.А. Грачёва

Члены Совета: Н.В. Гранкин, О.И. Карушина, А.П. Зименков,
А.А. Мочалов, Е.П. Плеханов, М.Г. Сапего.

Международный отдел:

Александр Долин – Москва, Россия (руководитель)

Хидэнори Хирута – Акита, Япония

Дзин Вада – Акита, Япония

Артурас Шиланскас – Литва

Владимир Ашурко (Филмор Плэйс) – Минск, Беларусь

Катерина Шмидт – Реген, Германия

Наталья Кроитор – Венеция, Италия

Сергей Шпиченко – Киев, Украина

Общественный Совет:

Руководитель: А.П. Зименков.

Члены Совета: А.В. Александров, И.М. Майзельс,
О.П. Кубышкина, А.П. Дёмин.

Художественный отдел:

Члены Всеяпонской ассоциации искусства живописи тушью:

Юлия Блохина,

Катерина Усольцева,

Ирина Митрофанова.

Составители: И.А. Шевченко, Л.А. Грачёва

«Полевые цветы» - Международный литературно-художественный, научно-критический, культурно-просветительный альманах. Издаётся Московской областной организацией союза писателей России, под эгидой Международной ассоциации МАСТЕРОВ ПОЭТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ, при поддержке Акитской международной сети хайку, танка и сэнрю (Akita International Haiku, Tanka, Senryu Network), Акитской международной ассоциации хайку (Akita International Haiku Association) и Общероссийской общественной организации «Общество «Россия - Япония».

В альманахе сохранена авторская орфография и пунктуация....

Макет: Людмила Грачёва

Компьютерная вёрстка: Михаил Кожин

© Долгий Е.В., разработка логотипа АКЖ и дизайн обложки.

© Усольцева Е.С., рисунок на обложке

© Митрофанова И.В., каллиграфия.

III. Из истории поэтических миниатюр

МАСАОКА СИКИ

В ряду великих мастеров поэзии хайку Масаока Сики (1867–1902) числится четвертым и последним — после Мацуо Басё, Ёса-но Бусона и Кобаяси Исса. Однако если говорить о традиционных поэтических жанрах в Новое время, Сики, без сомнения, займет первое место — просто потому, что без него поэзия танка и хайку могла остаться лишь курьезным реликтом, уходящим в прошлое вместе с другими пережитками феодальной Японии.

Масаока Цунэнори (будущий поэт Сики) родился в семье небогатого отставного самурая в 1867 году. В те времена Мацуяма, родной город Сики на острове Сикоку, представлял собой глухой уголок живописной провинции с величественным замком на холме и сгрудившимися вокруг него приземистыми хрупкими строениями, крытыми черепицей. Жизнь здесь текла размеренно и неторопливо.

В шесть лет Цунэнори потерял отца. Мать, обремененная заботами о хлебе насущном, при всем желании не могла дать мальчику приличного образования. Его путь в большую литературу начался с приходской школы при местном храме. Когда ему исполнилось восемь лет и первые сотни иероглифов из многих тысяч уже были зазубрены, Цунэнори твердо решил, что станет ученым-филологом. Своей мечте он остался верен до конца. Уже в двенадцать лет он начал писать стихи на китайском (канси). Для того чтобы читать классику в школьные годы, требовалось поистине незаурядное трудолюбие и недетское упорство — качества, которыми в полной мере обладал юный провинциал.

Едва успев закончить среднюю школу, шестнадцатилетний Цунэнори устремился в Токио, чтобы найти себе там применение на литературном поприще. Он поступил сначала на подготовительное отделение Токийского Имперского университета, а затем в 1890 году успешно сдал экзамены на литературный факультет. Годом раньше у него открылось кровохарканье — дала себя знать болезнь бедных, неизлечимая в ту пору чахотка. Узнав, что дни его сочтены, Масаока Цунэнори решил взять литературный псевдоним Сики — Горная кукушка. По древнему поверью, у горной кукушки при пении идет горлом кровь.

Однако известие о том, что он приговорен к скорой и мучительной смерти, не остановило Сики и не отвратило его от творчества. Наоборот, он с удвоенной энергией набрасывается на книги, пробует кисть в различных стихотворных жанрах, занимается рисованием, много путешествует по стране и

ведет художественные путевые дневники, знакомится с ведущими столичными поэтами и критиками.

Вкус к сочинению хайку появляется у него после знакомства со знаменитым сборником трехстиший Басё «Соломенный плащ обезьянки». Оригинальность взглядов, свежесть эстетических оценок и незаурядный поэтический талант позволяют молодому провинциалу с неожиданной быстротой внедриться в токийскую литературную среду и найти в ней свою нишу.

В 1892 году Сики впервые получил возможность обосноваться в собственном жилище. Маленький одноэтажный дощатый домишко, ставший ныне домом-музеем Сики, находился в районе Нэгиси, недалеко от большого столичного парка Уэно. Дом стоял на окраине Токио, среди пышной зелени.

Тогда же Сики, до того лишь примерявшийся к литературной стезе, впервые определенно заявил о своем намерении стать поэтом. Ничто из его главных трудов еще не было написано. Он лишь успел приступить к систематическому изучению хайку и опубликовать несколько небольших статей, которые отнюдь не свидетельствовали о заслугах автора в данной области. Тем не менее, обаяние личности этого субличного некрасивого юноши было настолько велико, что ему как бы авансом была предложена почетная должность редактора поэтической страницы в крупнейшей центральной газете «Ниппон симбун». Сики в ту пору был еще студентом университета! Для страны с развитыми традициями возрастной и служебной иерархии это назначение было абсолютно невероятно и необъяснимо, так что его трудно рассматривать иначе, чем перст судьбы, указующий молодому автору путь к реформам поэтики.

Весной 1895 г. Сики отправился на театр военных действий в Китай, где провел месяц в окрестностях Цзиньчжоу. По пути из Китая на родину у Сики открылось сильное кровотечение из легких. Он попал в больницу в Кобэ, а оправившись, перебрался на время в Мацуяму, где провел три месяца. Этого времени оказалось достаточно для того, чтобы сформировать круг единомышленников и создать собственную школу хайку! В числе его преданных друзей и учеников оказались поэты Такахама Кёси, Найто Мэйсэцу и Кавахигаси Хэкигото, а также выдающийся романист Нацумэ Сосэки, с юности увлекавшийся хайку. В дальнейшем поэтическое общество, родившееся из школы Сики, приняло название «Хототогису» («Горная кукушка» — в другом

звучании) и вскоре заняло господствующее положение в мире хайку, которое сохраняет и поныне.

С момента прихода в «Ниппон», за какие-нибудь два года, Сики завершил два фундаментальных труда — «Классификация хайку» («Хайку бунруй») и «Хронология хайку» («Хайку нэмпё»). Он прочитал в библиотеке Токийского университета практически все хайку, опубликованные за три столетия — с конца шестнадцатого века до конца девятнадцатого, собственноручно переписывая лучшие произведения бесчисленных авторов и объединяя их в сезонные циклы, изучая особенности лексики и тропы. Объем охваченного материала — сотни тысяч стихов — был настолько велик, диапазон исследований настолько широк, а суждения автора настолько весомы и хорошо обоснованы, что никто из лучших поэтов и критиков даже не пытался вступить с нарушителем спокойствия в серьезную полемику.

Пафос выступлений Сики сводился в первую очередь к отрицанию шаблонов и стереотипов, утвердившихся за последние полтора столетия в мире хайку. Он жестоко критиковал поэтов-эпигонов, перепевающих с унылым постоянством из поколения в поколение одни и те же сезонные образы и темы, слепо поклоняющихся своим рукотворным кумирам.

В возрасте двадцати шести лет Сики опубликовал серию сенсационных статей «Беседы о Басё» («Басё дзацудан»), приуроченную к двухсотлетию со дня смерти поэта, в которой покусился на непререкаемый авторитет великого Старца. Не отказывая Басё в незаурядном таланте, он утверждал, что сакрализация имени не имеет ничего общего с оценкой реальных литературных достижений мэтра, которые были, в сущности, далеко не столь грандиозны и, во всяком случае, не соответствовали сверхъестественным масштабам сложившегося культа: «...Я утверждаю, что преобладающее большинство хайку Басё стоит похоронить как скверные и примитивные, а те, что можно причислить действительно к превосходным, составляет ничтожно малое число — какую-нибудь пятидесятую или шестидесятую часть его произведений... Тем не менее, если исходить только из количества стихов, то, хоть это и немного, но Басё, сочинивший двести хороших трехстиший, все же не теряет своего значения как великий писатель... Сочинения Басё не копировали старое, но открывали новое...».

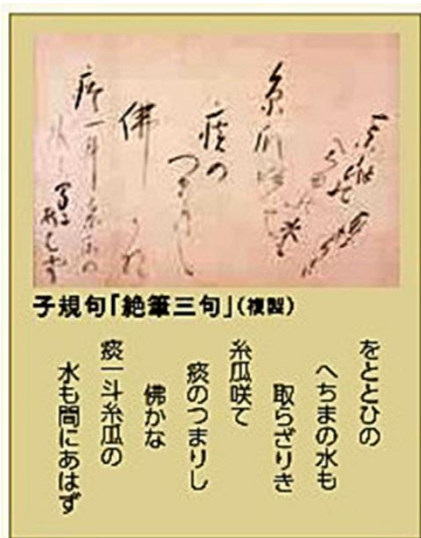
По мнению Сики, обожествление классика принесло ему и его последователям больше вреда, чем пользы, поскольку хорошие стихи и плохие оказались свалены в одну кучу и канонизированы — в том числе и «нанизанные строфы» (хайкай-но рэнга), которые вообще трудно считать серьезным поэтическим жанром.

Сики не удалось сорвать нимб гениального стихотворца с Басё, но пошатнуть устои культа удалось, что позволило внести разнообразие в поэтику хайку и успешно пропагандировать необходимость реформации в поэзии. Что касается Басё, то его слава в XX веке только неизмеримо укрепилась, а сам Сики занял почетное место в длинном ряду учеников и последователей Старца.

В целом Сики отнюдь не отвергал изначальные принципы хайку, столь типичные для поэтики Басё и его школы: недосказанность, многозначность, суггестивность — все то, что позволяет поэту выразить «многое в немногом». Вслед за Басё он признавал ценность таких эстетических категорий, как саби

(ощущение печальной прелести изменчивого мира), ваби (осознание тоскливого одиночества человека во Вселенной), фуэки рюко (постижение вечного в текущем), сибуми (восприятие терпкой прелести бытия), каруми (легкость и органичность изобразительных средств). Однако Сики убедительно показал, что сам Басё и мириады его последователей оказались в плену условностей, слишком часто жертвуя жизненной правдой и полнотой художественного образа во имя воплощения ими же канонизированного идеала красоты.

Главная заслуга Сики состоит в стремлении извлечь поэзию традиционных жанров от косности, начетничества, векового консерватизма. Ключом к пониманию эстетических воззрений Сики служит его теория сясэй («отражения природы»), которая вызвала в литературном мире бурные дискуссии, не утихавшие на протяжении трех десятилетий.

Идея введения метода отражения в традиционную поэтику хайку и танка родилась у Сики в 1894 году. С того времени сясэй становится кардинальным художественным принципом Сики и его школы, во многом определяющим лицо новой поэзии хайку и танка.

В программных работах «Мои хайку» («Вага хайку»), «Капля туши» («Бокудзи иттэки»), «Ложь болезни в шесть сяку длиной» («Бёсё рокусяку») и некоторых других Сики интерпретировал сясэй как универсальный творческий метод, суть которого сводится к «объективному реализму» в изображении предметов и явлений окружающего мира, к

«отражению природы». Сики утверждал доминанту непосредственного впечатления и точности воспроизведения природы, пусть даже в ущерб красочности. Особое значение он придавал отбору лексики, способной оптимально передать обертоны, донести настроение автора и неповторимую атмосферу момента.

С годами трактовка принципа сясэй совершенствовалась и усложнялась. С середины 90-х годов Сики добавил к своему учению принцип хэйтан («простота и мягкость»), призванный облагородить новую пейзажную лирику.

Будучи, бесспорно, замечательным поэтом и правопреемником великих патриархов хайку эпохи Эдо, Сики, вопреки своим воинственным манифестам, в большинстве собственных трехстиший не пытался слишком далеко отойти от канонических правил. Большинство его хайку, при всей яркости и неожиданности образа, ничем не нарушают условностей средневековой поэтики, разрабатывая те же тематические рубрики и представляя те же поэтические приемы. Во многих хайку чувствуется влияние романтической палитры Бусона:

*Тишина и покой.
Сквозь дыру в прохудившихся сёдзи
синее море...
или
Опадают цветы —
под вишнями в грустном раздумье
каменный Будда...*

Иные образы подсказаны стихами Басё, как следующее трехстишие, вызывающее прямую ассоциацию со всплеском воды из хайку о лягушке, прыгающей в старый пруд.

*Шлепок по воде —
и, от дремы полудневной очнувшись,
встрепенулс пес...*

Наибольшего импрессионистического эффекта Сики добивается в тех случаях, когда сопрягает в тесном пространстве хайку высокое и низкое, человеческое и божественное, бренное и вечное. В этом — ключевом для искусства хайку — мастерстве он достиг небывалых высот.

*каки куэ ба
канэ га нару нари
Хорю-дзи*

*Кушаю хурму —
колокол храмовый бьет
в Хорю-дзи....*

Сики обожал хурму и сложил об этом плоде несколько сотен хайку, но в данном случае контраст «кушания хурмы» и гулкого гласа колокола в храме Хорю-дзи с его тринадцативековой историей создает удивительный эффект полного телесного и духовного растворения в вечности.

Не меньшей философской глубины добивается поэт и в другой миниатюре о хурме «После моей смерти», которая служит как бы автоэпитафией — забавной, но отнюдь не столь легкомысленной, как может показаться с первого взгляда:

*Пусть рассказывают:
мол, любил он слагать трехстишья
о том, как кушал хурму...*

Напоминание о смертельном недуге, приближающем день кончины автора, вносит ноту горечи в мягкий самоироничный поэтический образ. Этой же терпкой горечью, осознанием скорой и неотвратимой встречи с Вечностью пронизаны многие наиболее «пронзительные» стихи Сики, сложенные в последние годы его короткой жизни, которые поэт провел в своем домике в Нэгиси, созерцая крошечный палисадник и размышляя о бессмертии искусства:

**Упал на окно
отсвет зимнего солнца —
комната больного...**

Как деятель культуры, воспитанный в старых традициях, Сики, при всем своем либерализме взглядов, трепетно относился к созданию собственной школы и воспитанию учеников. В числе последних оказались талантливые поэты Такахама Кёси, Кавахигаси Хэкигото и Найто Мэйсэцу. Однако круг учеников молодого мастера был значительно шире и насчитывал десятки способных стихотворцев, которых Сики охотно наставлял лично или заочно, в письмах, и чьи вирши регулярно редактировал. Уже в середине 90-х гг. он был, вероятно, самым влиятельным автором и наставником хайку в Японии.

Масаока Сики начал свой путь в литературу как поэт и теоретик хайку. Рассматривая жанры японской поэзии, Сики пришел к еретическому заключению о кровном родстве танка и хайку. Ни до, ни после него, ни один японский литератор не осмелился высказать столь крамольной идеи, поскольку априори принималось положение о принципиальном различии двух основных ветвей традиционной лирики. Сики приводил множество убедительных доводов в пользу концепции «единства братских жанров»:

«Вака и хайку суть самые близкие виды литературы. По большому счету, за исключением разницы в количестве слов, все прочее в них по существу едино... Язык, что считался приемлемым и интересным лишь для хайку, должен быть равно приемлем и интересен и для вака. Жанры эти едины не только в плане языка, но и в плане мышления».

Сики считал себя подлинным новатором и во многом действительно был таковым, но сверхзадачей его жизни и творчества было создание нового искусства на основе хорошо забытого, а затем переосмысленного, как бы переплавленного в тигле старого.

Фактически осуществив или, по крайней мере, инициировав реформу хайку, Сики перешел к такому же серьезному изучению истории и теории танка, чтобы затем снова эпатировать публику бесцеремонными суждениями о современной лирике и классических памятниках в своих «Посланиях к сочинителям танка» («Утаёми ни атауру сё», 1898) — серии из десяти программных статей.

Сики с горечью констатировал деградацию поэзии танка последних десятилетий, видя причины её в косности и ограниченности самих стихоплетов, которые погрязли в невежестве: «Они кроме танка ничего знать не желают и

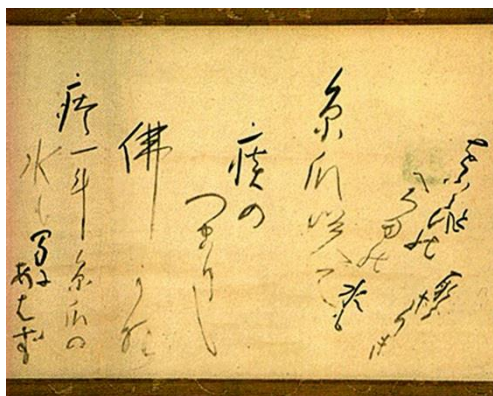

тешат себя сознанием того, что танка — верх совершенства. Они ничего не понимают даже в самой близкой к танка поэтической форме хайку; для них все равно, что сэнрю, что хайку — лишь бы было семнадцать слогов. Вот до чего доходит скудоумие! При этом они не изучают китайской поэзии, ведать не ведают о том, что такое западная поэзия и существует ли вообще таковая, — эти неучи и полужайки! Сказать им, что роман и драма также относятся к литературе, как и вака, — и они наверняка вытаращат глаза от изумления».

Беспощадной критике подверглись в «посланиях» прежде всего эпигоны, следующие в русле поэзии Кагава Кагэки и его школы Кэйэн. Как и Ёсано Тэккан четырьмя годами раньше, Сики обрушился на Кагэки, обвиняя эдоского лирика в пошлости и бездарности. Как и Тэккан, он был явно слишком пристрастен в оценках, стремясь во что бы то ни стало ниспровергнуть широко распространенный в мире вака культ и не принимая во внимание неоспоримых достоинств поэзии Кагэки.

Зато критика невежества современных поэтов танка, не желающих знать никаких других видов литературы — ни хайку, ни рэнга, ни канси, ни китайской классики, ни шедевров европейской лирики, ни тем более прозы или драмы, — звучала весьма актуально для своего времени. Отвергая банальность и унылую монотонность современных эпигонских танка, Сики противопоставил силу звучания стиха мелодичной гармонии, новизну и мощь образа — подробности описаний, искренность вдохновения — искусственной утонченности. Он подчеркивал, что стихотворение, лишенное истинного чувства, мертво, и призывал, соблюдая объективность в наблюдении природы, всегда вкладывать в образ эмоциональный заряд.

Оценка жемчужины хэйанской поэзии X в. «Собрание старых и новых песен Японии» («Кокинсю») повергла любителей изящного в ужас и недоумение. Во втором «послании» Сики заявил: «“Кокинсю” — никудышная антология, Цураюки (основной составитель “Кокинсю”. — А. Д.) — скверный писака». Признав, что ему когда-то нравилась утонченная красота стихов «Кокинсю» (юби), Сики назвал эту утонченность легковесным пустозвонством, упрекая поэтов Золотого века японской культуры в отсутствии глубокой мысли, банальности и клишированности образов. Хотя он и подтверждал свою вкусовую оценку примерами, подобная характеристика авторов, считавшихся гордостью нации, не могла не вызвать возражений. Не менее суровы были

отзывы Сики и о других шедеврах отечественной литературы. Об антологии «Новая Кокинсю» он заметил, что эта книга «чуть лучше самой “Кокинсю”», но и в ней хорошие стихи можно по пальцам перечесть».

В свое оправдание Сики отмечал, что, возможно, «Кокинсю» представляла собой собрание шедевров для своего времени, в эпоху Хэйан, но для эпохи Мэйдзи ее поэтика безнадежно устарела.

Несмотря на то, что Сики считал себя, прежде всего новатором, главная его заслуга перед японской и мировой литературой состоит в непревзойденном умении сохранить и преумножить достижения чисто традиционной поэтики, адаптировав их к требованиям нового времени. Он много размышлял о необходимости модернизации лексикона танка: «Большинство изобретений цивилизации не поэтичны, и их трудно включить в сферу стиха. Если все же хочешь о них написать, не остается ничего иного, как упомянуть вдобавок что-либо вполне поэтичное. Когда же такое сочетание отсутствует и в стихотворении просто сказано “Ветер дует над рельсами”, получается слишком голо. Стихотворение становится куда более привлекательным, если объединить эту фразу с другим предметом, например, с фиалками, растущими подле рельсов, или с маками, что колышутся от пролетевшего поезда, или с кивающими метелками мисканта...».

Все шедевры самого Сики (а фактически подавляющее большинство его танка и хайку) относятся либо к пейзажной лирике, либо к жанру поэтического дневника, фиксирующего незначительные, на первый взгляд, наблюдения поэта, распростертого на ложе болезни.

Безвременная кончина Сики не только не положила конец спорам об «отражении натуры», но наоборот — привела к бурному развитию литературной полемики и конечному торжеству метода сясэй в магистральных школах традиционалистской поэзии. В мире танка дискуссия продолжалась почти полвека. В ней приняли участие почти все ведущие поэты жанра. Некоторые отказывались признавать сясэй как руководство к действию, но, так или иначе, отталкивались от положений Сики в своих рассуждениях.

Сики жил и творил под знаком неотвратимо надвигающейся смерти. Быстро прогрессирующая болезнь придавала особую остроту восприятию мира. Он знал, что ему осталось немного времени, и стремился до предела насытить каждое мгновение бытия, воспринимая всеми органами чувств его неповторимый цвет, вкус, звук и аромат.

За десять лет напряженной работы, начиная с 1882 года, помимо восемнадцати тысяч хайку Сики написал более двух тысяч стихов в различных (в основном сугубо традиционных и даже архаичных) жанрах и формах: танка, тёка, сёдока, канси и т. п. Лучшие из них (около 550 танка, 15 тёка и 12 сёдока) вошли в посмертный сборник поэта «Песни Бамбукового селенья» («Такэ-но сато ута»).

В последние годы жизни туберкулез позвоночника приковал поэта к постели. По его просьбе в комнате, где он лежал, сделали вместо сёдзи, стен из матовой вошеной бумаги, прозрачные раздвижные стеклянные двери на веранду — окно в большой мир, куда ему уже не суждено было вернуться.

Мотив ожидания неотвратимого и скорого конца вносит скорбное звучание в подтекст всех, казалось бы, нейтральных по тональности поздних стихов Сики (если понятие «поздние» вообще применимо к творчеству молодого человека, ушедшего из мира, не дожив до тридцати пяти).

Одиночества час.

Лежу, распростершись на ложе.

Друг еще не пришел.

Я один на один с цветущей

сливой карликовой в вазоне...

Такие циклы танка, как «Гроздь глицинии», «Температурный листок» или «Сквозь стеклянную дверь», трогательные поэтические зарисовки микрокосма комнаты или палисадника перед домом, созданные в предчувствии скорого конца, поистине можно причислить к трагическим шедеврам мировой лирики.

***Сквозь стеклянную дверь
ловлю за своим отраженьем
пейзаж вдалеке —
на деревьях в роще Уэно
нерастаявший снег белеет...***

* * *

***Сквозь стеклянную дверь
любуюсь печальной картиной:
под весенним дождем,
вся усыпанная цветами,
одинокая мокнет вишня...***

Поэт постепенно угасал. Он все реже вставал, чтобы выйти взглянуть на деревья и цветы во дворе. Вскоре он был лишен и этих маленьких радостей, не в силах даже приподняться на своем скорбном ложе, довольствуясь созерцанием грозди глицинии или пиона в горшочке. И только разум Сики до самой безвременной кончины, которая застигла его 19 сентября 1902 г., сохранял удивительную ясность. До последнего вздоха он продолжал диктовать стихи и в день смерти сложил три хайку.

Слава пришла к Масаока Сики еще при жизни, увенчав его ореолом подвижника и мученика, принесшего себя на алтарь служения стиху. Однако сам Сики не стремился к популярности. Он стойко, без жалоб и стенаний, переносил боль, смирившись с неизбежностью. Свою известность он рассматривал лишь как средство для утверждения новой поэтики, для пропаганды своих взглядов. Его недолгая земная жизнь удалась, и он это знал. Как истинный буддист, он не боялся смерти, ожидая от нее лишь перехода в новое воплощение. Он верил, что памятником ему будет величественное здание новой японской поэзии, родившейся из его мучительных поисков, бережно выпестованной соратниками по литературной борьбе, — и не ошибся...

По материалам книги А.А. Долина «История новой японской поэзии» в 4 тт. СПб., «Гиперион», 2007.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА ЯПОНИИ

Во многих странах мира воздвигнуты памятники поэтам и писателям, составившим гордость национальной литературы, однако только в культуре Восточной Азии, и в первую очередь Японии, возникла удивительная традиция, которой до сих пор не найдено адекватного названия. Речь идет об увековечивании в камне не просто памяти о выдающемся художнике слова, но

собственно его произведений, тесно связанных с исторической географией того или иного региона. В Японии (а также – но в несравнимо меньших масштабах – в Китае и Корее) мы имеем дело с поэтической эпиграфикой – специфической сферой творчества, объединяющей литературу, каллиграфию, архитектуру и духовность в её наиболее чистом, надвременном и трансцендентальном выражении.

Литературно-художественная география Японии оформилась очень давно, более тысячи лет назад, благодаря усилиям многих поколений поэтов, писателей и художников, воспевающих в своих произведениях красоты родного края и запечатлевших в бессмертных шедеврах все наиболее значимые рукотворные и нерукотворные достопримечательности архипелага. Дворцы и храмы, горы и реки, водопады и горячие источники, виды морского побережья и дальних озер – все становилось объектом поэтического вдохновения и ложилось на бумагу в виде танка и хайку. Затем приходили новые поколения художников и поэтов и вносили свою лепту в художественную географию, а те шедевры, что были признаны классикой, переключивались со страниц книг на мемориальные каменные стелы.

Сегодня в Японии существуют десятки тысяч стел, посвященных памяти художников, поэтов, композиторов и других деятелей культуры, а также просто установленных в ознаменование важного исторического события – например, закладки парка или храма. Общее название мемориальных каменных стел **хи**. При этом достаточно часто встречаются камни с вполне прозаическим описанием визита того или иного поэта или писателя. Однако поэтические памятники отличаются от прочих тем, что содержат не просто упоминание об авторе, некогда посетившем это место, но и живую поэтическую цитату в виде трехстишия или пятистишия. Почти в обязательном порядке памятные камни ставятся, например, возле частных домов, где жили знаменитости, играя ту же роль, что и мемориальные доски.

Но наиболее популярны в народе, бесспорно, поэтические стелы: **«кахи»** (стела с инкрустированным стихотворением танка), **кухи** (стела с инкрустированным стихотворением хайку) и **сихи** (стела с инкрустированным стихотворением синтайси или киндайси). Причем общее количество поэтических стел по стране практически не поддается учету и измеряется пятизначными цифрами. Как ни странно (если учитывать необычайную педантичность и дотошность японских филологов), никто до сих пор не удосужился составить полного описания ни *кахи* великого поэта-странника 12 в. Сайгё, ни *кухи* другого великого стихотворца и неутомимого путешественника 17 в. Басё.

Предпринимались некоторые усилия, с целью выявить все стелы того или иного автора, но, очень немногие такие попытки увенчались относительным успехом, причем в основном лишь в масштабе одной префектуры. Так, в префектуре Акита, на родине Исии Рогэцу (1873-1928), любимого ученика и близкого друга Сики, в двух его мемориальных музеях имеется подробная опись всех двадцати *кухи* со стихами Рогэцу, поставленных на территории префектуры. Исследователи творчества другого ученика и преемника Масаока Сики выдающегося поэта Такахама Кёси (1874-1959), который более полувека возглавлял магистральное японское сообщество поэтов хайку «Хототогису»,

составили список *кухи* с его трехстишиями по всем префектурам и систематизировали их в алфавитном порядке. Набралось несколько сотен хайку, которые сами по себе представляют уникальную «каменную книгу». Фотографии памятников, однако, в описании отсутствуют.

Сам же легендарный отец-основатель современной поэзии хайку и гениальный реформатор стиха Масаока Сики, о котором написано бесчисленное количество книг и статей, чьи стелы разбросаны по всей стране, так и не дождался итогового списка *кухи* и *кахи*. Имеется лишь их опись по одной префектуре Эхимэ и некоторые отдельные упоминания по другим сорока шести префектурам. Правда, в Эхимэ, прежде всего в родном городе Сики Мацуяма, таких поэтических памятников насчитали около ста... Можно только догадываться, сколько их разбросано по всем Японским островам.

Поэтическая эпиграфика - почти не изученная область, которая еще ждет своих исследователей, но в первом приближении можно провести такую классификацию памятных стел со стихами:

1. Стелы, установленные в синтоистских и буддистских храмах.

Поскольку танка и хайку исторически рассматривались как разновидности буддистских искусств, (а танка еще и как воплощение синтоистского идеала «души вещей»), их присутствие в храме считалось естественным компонентом органически присущей храму атмосферы духовности. Такие стелы могут быть непосредственно привязаны к данному храму, но могут быть и выбраны просто по вкусовому признаку;

2. Стелы, установленные возле домов-музеев авторов и исторических мест, связанных с посещением известных поэтов;

3. Стелы, содержащие обмен поэтическими миниатюрами между друзьями-поэтами (как в случае Масаока Сики и Нацумэ Сосэки).

4. Стелы, не связанные конкретно с визитом поэта, но содержащие упоминание о конкретном топониме, местной достопримечательности;

5. Стелы, содержащие три и более стихотворений разных авторов, воспевающих красоты одного и того же места;

6. Стелы, установленные в общественных местах и содержащие прямую или косвенную отсылку к специфике места – как, например, танка Сики о бейсболе на бейсбольном стадионе в Фукуоке.

Мы не так уж много знаем о том, кто именно устанавливал *кухи* и *кахи* на Японских островах. Можно лишь предполагать, что значительная часть была воздвигнута по инициативе и на средства храмовых общин. Немало поэтических стел являются даром частных спонсоров, поклонников творчества того или иного поэта (их имена сохранились). Определенный процент стел возник благодаря усилиям поэтических сообществ. И, наконец, огромное количество стел в парках, при домах культуры и других общественных учреждениях воздвигнуто усилиями муниципальных властей на муниципальные средства.

Инскрипты на каменных стелах чаще всего воспроизводят индивидуальный почерк автора, которому, по традиции, придается исключительное значение. Однако иногда для этой цели приглашается профессиональный каллиграф или какой-либо уважаемый деятель культуры.

Некоторые, в основном, более современные *кахи* и *кухи* содержат также уведомление о том, когда и кем был воздвигнут памятник, но нередко такая

информация отсутствует. Практически ничего, за редкими исключениями, не известно о дизайнерах, выбиравших, а иногда и обрабатывавших камень для стелы. Хотя иные камни представляют собой циклопические сооружения весом во много тонн и снабженные основательным постаментом, ценится, прежде всего, текст и каллиграфия, а сам камень, очевидно, считается лишь материалом для воплощения замысла несмотря на то, что его выбор и оформление играют важнейшую роль во всех проектах.

В некоторых городах и селеньях Японии концентрация поэтических стел достигает невероятной плотности. Сотни стел, помимо посвященных непосредственно Масаока Сики, установлены в городе Славы поэзии хайку Мацуяме, на родине Такахама Кёси, Кавахигаси Хэкигото, Найто Мэйсэцу и множества других выдающихся поэтов круга Сики. Эта удивительная каменная поэтическая летопись создает неповторимую атмосферу, формирует в новых поколениях неиссякаемый интерес и уважение к творениям классиков. Поэзия становится одновременно неотъемлемой частью современной жизни и частицей длящейся истории, сопрягая проходящее и неизменное, связывая в единое целое бренность и вечность.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ СТЕЛЫ МАСАОКА СИКИ

1.

牛行くや 毘沙門阪の 秋の暮

Корова бредёт
по склону Бисямонтена –
осенний сумрак...

Стела установлена на перекрестке трех дорог по пути к префектуральному университету Эхимэ к северо-западу от замка Мацуяма.

Бисямонтен – одно из популярных буддийских божеств.

2.

ふゆ枯れや鏡にうつる雲の影
半鐘と並んで高き冬木哉

子規
漱石

Зимнее запустенье.
Отражается в зеркале
гряда облаков...

(Сики)

Деревья зимой
половинкой колокола
высятся вдали...

Сосэки

Стела установлена в парке на известном термальном курорте Дого.

Хайку Сики взята из цикла «Гряда облаков в сто хайку» и посвящена известному хайдзину Мори Энгэцу (1870-1955). написано на поэтическом вечере в доме Энгэцу Гудабуцу-ан

Хайку крупнейшего писателя эпохи Мэйдзи и друга Сики Нацумх Сосэки* сложено там же в пандан к стихотворению Сики.

3.

色里や 十歩はなれて 秋のかぜ

В десяти шагах
от «веселого квартала»
осенний ветерок...

Стела установлена в храме Хогон-дзи на термальном курорте Дого.

6 октября 1895 Сики отправился на термальный курорт Дого вместе с Нацумэ Сосэки и на обратном пути сложил эту хайку проходя мимо «веселого квартала» Мацугаэ-тё.

4

馬しかる 新酒の酔や 頬冠
糺ほすや にわとり遊ぶ 門の内
Лошадь отругал
молодым сакэ напившись –
прикрыл лицо тряпицей...

Сушится мякина.
Бродят куры и цыплята
по всему двору...

Стела установлена на Дороге хайку в г. Мацуяма.

5

春や昔 十五万石の 城下哉

Весна – всё как встарь.
Вокруг замка на полях
немерно риса...

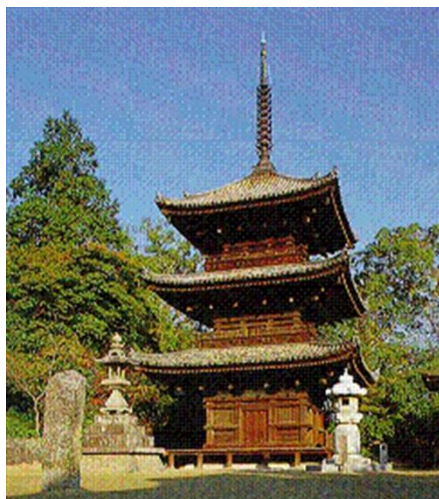
Стела установлена на площади городского вокзала в г. Мацуяма и стала одной из узнаваемых достопримечательностей города.

6.

見あぐれば塔の高さよ秋の空

Поднимаю взор –
пагода уходит ввысь,
в осеннее небо...

Стела установлена в храме Иситэ-дэра в одном километре от термального курорта Дого близ Мацуямы.

7.

天狗泣き 天狗笑うや 秋の風

То ли плачет,
то ли смеется тэнгу* –
осенний ветер...

* Тэнгу – горный леший с длинным носом, персонаж японской мифологии.

Стела установлена в святилище Гооку у подножья невысокой горы Микидзи.

8.

「松山や秋より高き天守閣」

Мацуяма –
выше осенних небес
вздывается замок...

Стела установлена возле терминала канатной дороги, ведущей в замок Мацуяма на высоком холме. Возле стелы – почтовый ящик, в который все желающие могут опускать свои хайку. Открытые чтения этих стихов проводятся раз в два месяца.

9.

国なまり 故郷千里の 風かをる

Знакомый говор -
ветер из родных краев,
что в тысяче ри...

Стела установлена возле начальной школы Кацуяма, в которой учился Сики. Известно, что Сики до конца своих дней не мог избавиться в произношении от специфического говора иё, который испокон веков отличал уроженцев Мацуямы.

10.

城山の 浮かみ上るや 青嵐

Замковая гора
вздывается в зелени листьев
навстречу буре...

Хайку сложена в 1892 г.
Стела установлена на городском
вокзале в Мацуяме.

11.

賽銭の ひゞきに落ちる 椿かな

Под звон монет*,
оппадают на приношенья
камелии цветы...

**Имеется в виду перезвон монет, которые бросают многочисленные прихожане в закрытый решеткой продолговатый ящик для приношений у входа в храм.*

Стела установлена в святилище Цубаки, посвященном божеству благополучия и богатства Иёдзухико-но микото.

12.

若鮎の 二手になりて 上りけり

Молодь форели,
разделившись на две стайки,
плывет вверх по течению...

Стела установлена у Моста Дзаи (мост Встречи) у слияния рек Сигэнобу и Исигэ, неподалеку от деревни Нагара, куда Сики еще в детстве наведывался в гости к приятелю Курата Такэти.

13.

十月の 海へ風いだり 蜜柑船

Море в октябре.
Ветер стих - и отплывает
лодка с мандаринами...

Стела установлена в парке Утисиндэн в городке Кацуока, преф. Эхимэ

14.

菟蓐に つつじの名あれ 太山寺

Эти азалии
я так и назвал бы «Конъяку»* -
храм Тайсан-дзи.

**Конъяку – популярное в Японии съедобное растение, из которого изготавливается студенистая паста. Храм Тайсан-дзи славился как своими пышными куртинами азалий, так и желеобразными сладостями из конъяку, что дало повод Сики для поэтической шутки.*

Стела установлена в храме Тайсан-дзи в Мацуяме.

15.

興居嶋へ 魚舟いそぐ 吹雪哉

К острову Гого
рыбачья лодка спешит
сквозь снежный буран...

Стела установлена у Моста Сёва
в квартале Такахама в пригороде
Мацуямы.

16.

初汐や 松に浪こす 四十島

Первый вешний прилив -
волнами омыты сосны
на острове Сидзю.

Стела установлена в святилище Эбису
в портовом городке Такахама преф.
Эхимэ. С берега открывается вид на
крошечный островок Сидзю.

17

永き日や 菜種つたひの 七曲り

Долгий денек.
Вдоль семи излучин дороги
поля сурепки...

Стела установлена в парке Такасаки в Мацуяме. Дорога Семи излучин
(Нанамагари) между Химэбара и Камогава была построена с изгибами по
стратегическим соображениям владельцем замка Мацуяма Като Ёсиакира.

18.

新立（しんだて）や 橋の下より 今日の月

Синдатэ –
из-под моста любуюсь
сегодняшней луной.

Стела установлена в квартале Синдатэ в Мацуяме у моста через реку Исигэ.
Хайку написана в 1895 г. по случаю полнолуния 3 октября.

19.

山本や 寺ハ黄檗 杉ハ秋
画をかきし 僧今あらず 寺の秋

У подножья горы
храм секты Обаку –
осень у криптомерий...

Нет больше его,
святого отца-живописца.
Осень в храме...

Стела установлена в храме Сэнсю-дзи, принадлежащем секте Обаку (одна из трех деноминаций секты Дзэн в Японии). Сики сложил эту хайку в 1895 г. на прогулке у подножья горы Миюкидзи, куда он отправился с другими поэтами. Стихотворение посвящено памяти священника Сюдо, настоятеля храма и мастера живописи в Южнокитайском стиле Нанга, который был дружен с наставником Сики в каллиграфии Такэти Гою.

20.

閑古鳥 竹のお茶屋に 人もなし

Голос кукушки.
«Бамбуковый» чайный домик
совсем обезлюдел...

Стела установлена у входа в сад бывшего чайного домика в районе Хигасино, в Мацуяме. Домик для чайной церемонии в стиле школы Ура-Сэнкэ был построен в 17 в. по приказу князя Мацудайра Саданобу и назван «Бамбуковым», поскольку был целиком сделан из бамбука. Камни фундамента и пруд, имитирующий по форме знаменитое озеро Бива близ Киото, сохранились до наших дней.

21.

真宗の伽藍いかめし 稲の花

Храм секты Син
вздывается величаво
над цветущим рисом.

Стела установлена в храме Сокодзи в Мацуяме, однако в хайку (написана в 1895 г.) упомянут другой храм буддийской секты Син (Истина) Рэмпукү-дзи.

22.

秋風や 高井のていれぎ 三津の鯛

Осенний ветер –
сезон кардамона из Такаи,
форели из Мицу...

Стела установлена в храме Сайрин-дзи в окрестностях Мацуямы.

Кардамон (cardamine regina) из Такаи славится в Мацуяме как сезонная приправа к сасими.

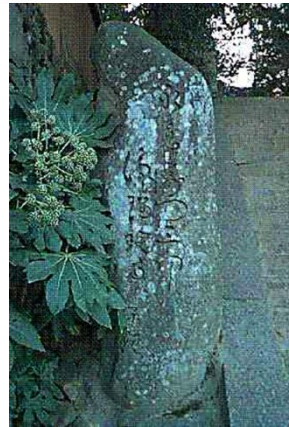
23

永き日や 衛門三郎 浄瑠璃 (璃) 寺

Этот долгий день –
вспомнился, храм Дзёрури,
Сабуро Эмон...

Стела установлена в храме Дзёрури-дзи в Мацуяме.

Хайку сложена в 1896 г. по дороге в храм Дзёрури, поблизости от развалин дома Сабуро Эмона, популярного персонажа народной притчи.

Богач и скряга Сабуро Эмон однажды не узнал в нищем святого Кобо Дайси (Кукая) и грубо оттолкнул его. При этом плошка для подаянья у святого раскололась на восемь частей. Вскоре восемь детей нечестивца умерли один за другим. Сам он в неизбежном горе постригся в монахи и положил начало

обычаю паломничества по знаменитым буддийским храмам Сикоку.

В конце концов, перед смертью, раскаявшийся Сабуро Эмон встретил Кобо Дайси и был прощен, а душа его вселилась в новорожденного младенца по соседству.

24

旅人の うた登り行く 若葉かな

Уносится ввысь
песня путников на склоне –
молодая листва...

Стела установлена в квартале
Кубоно-тё в Мацуяме.

Хайку сложена в 1892 г. во время
путешествия в храм Ивая,
предпринятого Сики с друзьями по
поэтическому цеху.

25.

身の上や 御圖をひけば 秋の風

Каково мне будет?
Предсказанья вытянул
На осеннем ветру...

Стела установлена в храме Иситэ-
дзи, в Мацуяме.

Хайку сложена в 1895 г. во время прогулки. Сики вытянул билетик с
предсказанием, которое гласило: «Твоя болезнь продлится, но в целом все в
жизни будет хорошо».

Славься, Кобо Дайси*!
Храм Исигэ, а вокруг –
Цветенье риса...

*Кобо Дайси (Великий учитель распространитель дхармы) – Кукай (774-835), выдающийся религиозный деятель и просветитель японской древности. Легенда приписывает ему создание традиции паломничества по восьмидесяти восьми буддийским храмам острова Сикоку, в число которых входит и Исигэ-дзи.

Стела установлена в храме Исигэ-дзи в Мацуяме. Хайку написана во время прогулки в 1895 г.

27.

火や鉦や 遠里小野の 虫送

Тоосато Оно*.
Факелами, гонгами
отгоняют мошек...

Стела установлена в храме
Сэмпуку-дзи в Мацуяме.

Хайку написана в 1898 г. в местности Тоосато Оно в окрестностях Осаки (ныне район Осаки Сумиэ-тё. Обычай выгонять факелами и гонгами с рисовых полей назойливых насекомых издавна существовал в том краю.

霜月の空也は骨に生きにける

На дворе ноябрь
Куя все еще живет,
обратившись в прах...

Стела установлена в храме Дзёдзё-
дзи в Мацуяме.

Куя – святой подвижник, который некогда провел в этом храме три года. Согласно легенде, Куя проповедовал в Киото, призывая будду Амида гонгом, ударами по полой тыкве горлянке и танцами.

29

寺清水 西瓜も見えず 秋老いぬ
我見しより 久しきひよんの 茂哉

В ручье при храме
нынче дынь не видно –
кончается осень...

Как же много лет
я его не видел –
дерево хиён...

Стела с двумя хайку установлена в храме Якуси-дзи (Будды-Целителя), основанном князем Като Тоёакира, феодальным властителем Мацуямы, в 17 в.

В храме протекает ручей с водопадом, в котором летом принято было охлаждать дыни.

Дерево хиён, растущее в храме, принадлежит к семейству *Distylium racemosum*. Произрастает в южной Японии, в Китае и на Тайване.

Хайку написаны в 1895 г.

Будто самый кончик
 соловьиного* клюва-
 мыс Санмандо

Стела установлена на смотровой площадке над морем в Хиросиме. Хайку написана в 1895 г., когда Сики отправлялся из Хиросимы на корабле в Китай в качестве военного корреспондента.

*Угуйсу — камышовка короткохвостая. Славится красотой трелей и обычно в переводах на западные языки обозначается как «соловей», хотя таковым и не является.

31

打ちはづす 球キャッチャーの 手に在りて
 ベースを人の 行きがてにする
 今やかの 三つのベースに 人満ちて
 そとろに胸の 打ち騒ぐかな

Мяч не попал кэтчеру в рукавицу –
 и раннеру теперь некуда бежать...

Игроки заполнили три базы на
 поле – и беспокойно бьется сердце
 у меня в груди.

Стела под названием «Сики и бейсбол» с двумя стихотворениями *танка* установлена в храме Сёсо-дзи в Мацуяме. Танка взяты из цикла в девять стихотворений на темы бейсбола, опубликованных в 1898 г. в газете «Ниппон». В ранней юности Сики увлекался недавно завезенной в Японию из Америки игрой и позже, уже в годы болезни, оставался бейсбольным болельщиком. Его танка о бейсболе – редкий пример малоудачной попытки модернизации древнего поэтического жанра.

32 母様に 見よとて晴れし ふじの雪

Распогодилось -
Пусть увидит матушка снег
На вершине Фудзи...

Хайку высечена на одном из памятных камней, установленных на месте бывшего дома матери и сестры Сики из двух комнатушек площадью в четыре и шесть татами в квартале Минато-тё в Мацуяме. Домик был построен на богатом подворье семейства Охара в ста метрах от другой домишки где Сики родился и вырос. Старый дом был продан в 1889 г. и пошел на слом в 1923 г. Несколько балок из него уцелели и пошли на строительство павильона Сики-до в саду храма Сюдзю-дзи в Мацуяме.

В ноябре 1892 мать и сестра Сики отправились навестить поэта. Сики встретил их в Кобэ. Затем вся семья посетила Киото и далее отправилась в Токио. Этому событию Сики посвятил несколько хайку.

33. 十一人 一人になりて 秋の暮

Нас одиннадцать -
И все едины душой –
Поздняя осень...

Стела установлена возле уединенного павильона Кангэцу-ан (Созерцания луны) в Мицу, где Сики в 1895 г. провел последнюю ночь перед отъездом с Сикоку в Токио. Десять учеников и друзей пришли к нему на проводы 18 октября и устроили прощальную вечеринку.

34.a

風呂吹を喰ひに浮世へ 百年目

Сто лет его нет,
а будто вот-вот воскреснет
отведать фурофуки*...

- *Фуруфуки* — блюдо из вареной редьки, залитой соевым соусом мисо.

Стела установлена в храме Энко-дзи в Мацуяме в 1896 г. На ней указано, что она посвящена столетию со дня смерти преподобного Мэйгэцу (1718-1797), известного поэта и каллиграфа, проходившего обучение в этом храме.

34.6

冬さひぬ 蔵沢の竹 明月の書

Хорош зимний пейзаж –
как бамбук на свитке Дзотаку*,
как письма на свитке Мэйгэцу...

Стела установлена в храме Энко-дзи в 1918 г.

Хайку предшествует ремарка: «В ветхом жилище». Трехстишие было сложено в доме самого поэта, Сики-ан.

*Ёсида Дзотаку – известный в Мацуяме каллиграф и мастер живописи тушью сумиэ эпохи Эдо.

35.

くれなゐの梅散るなへに故郷に つくしつみにし春し思ほゆ

В родимом краю
Опадают цветы алой сливы -
И вспомнилось мне,
Как в далекую пору детства
Собирал здесь хвощи когда-то...

Стела была установлена в 1952 г. на месте дома в Мацуяме, где Сики жил до семнадцати лет, к пятидесятой годовщине его смерти. Это была первая в Японии памятная стела с *танка* Сики.

36.

節季候の 札の辻にて 分れけり

На исходе года
расходятся два нищих –
перекресток Фуда...

Стела установлена на перекрестке
Фуда в Мацуяме, в месте, которое
служило на Сикоку точкой отсчета
расстояния до важнейших пунктов.

Нищие и, в частности, монахи, собирающие подаянье, обычно обходили дома, закрыв лицо соломенной шляпой, с бамбуковым посохом и деревянной плоской.

37

萱町や裏へまわれば 青簾

В квартал Кая-тё
завернул – н везде в домах
зеленые шторы*...

* Имеются в виду зеленые плетеные
загородки от солнца из свежей
рисовой соломы *сударэ*.

Стела установлена в святилище Омисима в квартале Кая-тё в Мацуяме.
Хайку написана в 1892 г.

38.

三津口を 又一人行く 裕哉
В предместье Мицу
Еще одного приметил –
Платье в полоску*...

Стела установлена возле
Общественного оздоровительного
центра в Мицу, в пригороде
Мацуямы.

Хайку сложена в 1892 г.

* Согласно старой токугавской
регламентации, легкие халаты-
кимоно в полоску следовало надевать
с наступлением лета.

39.

足なへの 病いゆとふ 伊豫の湯に
飛びても行かな 鷺にあらませば

Если б только я мог
Обернуться белою цаплей,
Полетел бы туда,
На горячий источник Иё,
Что врачует больные ноги...

Стела установлена в курортном
парке на горячем источнике Дого
перед мемориальным музеем Сики.

Танка была написана в 1898 г. и
вошла в цикл из семи пятистиший
«Госкую по родным краям».

40.

梟や 聞耳立つる 三千騎

Ухает сова –
три тысячи всадников
внимают молча...

Стела установлена в центральном
парке Мацуямы Хориноути.

Хайку сложена в 1892 г. Речь идет о гарнизоне, расквартированном в замке
Мацуяма.

41.

松に菊 古きはものゝ なつかしき

Так сердцу милы
старые мои друзья –
сосны, хризантемы...

Хайку сложена в 1887 г.

Стела установлена возле дома культуры Бункё в парке на термальном
курорте Дого под Мацуямой.

42.

内川や 外川かけて 夕しぐれ

От реки Утикава
до реки Сотогава
вечерний дождик...

Утикава (Внутренняя) и Сотогава
(Внешняя) – названия мелких
речушек.

Стела установлена у северной оконечности моста Татэиси в Мацуяме.
Хайку написана в 1892 г.

43.

荒れにけり 茅針まじりの 市の坪

В запустенье пришло
селенье Итиноцубо –
всюду сорняки...

Стела установлена в святилище Сога
в Мацуяме.

Хайку сложена в 1892 году, когда Сики навестил друга в селенье
Итиноцубо, в те времена являвшемся отдаленным пригородом.

44.

御所柿に 小栗祭の 用意かな

Хурма Госё*.
Готовятся к празднику
в селенье Огури...

Стела установлена в святилище
Огури (впоследствии переименовано
в Югун) в Мацуяме.

Хайку написана в 1895 г., когда
Сики посещал одного из собратьев по
сообществу хайку в окрестностях
храма.

*Госё – название сорта хурмы.

45

うぶすなに 幟立てたり 稲の花

Подношения
богам-покровителям.
Цветенье риса...

Стела установлена в святилище
Огури (Югун), в Мацуяме.

Хайку сложена в 1892 г. при посещении святилища Хатимана в Огури,
который был родовым храмом семейства Масаока.

46.

栗の穂のこゝを叩くな この墓を

О ветви каштана,
не бейтесь листвой о плиту
на этой могиле!...

Стела установлена в Хорю-дзи, семейном буддистском храме семейства Сики, где был похоронен его отец.

Хайку сложена в 1895 г. при посещении храма. Хайку предваряет запись: «Посетил нашу родовую усыпальницу в храме Хорю-дзи и увидел, что она превратилась в заброшенное захоронение на пустыре. Невольно слезы навернулись на глаза».

47.

じゅずだまや 普通ひし 叔父が家

Зернышки **лзюдзу**
мне напомнили дядюшкин дом,
где бывал когда-то...

Дзюдзу (soix lacryma jobi) –
“голубиный ячмень», Дикое полевое
растение из семейства рисовых.

Стела установлена перед дворцом культуры Кисибодзин в Мацуяме. Хайку написана в 1895 г. Упоминается дом Сазки Масафуса, старшего брата отца Сики, к которому юный Цунжнори с шести лет ходил заниматься каллиграфией.

48.

行く秋や手を引きあひし 松二木

Уходит осень –
будто за руки взялись
эти две сосны...

Стела установлена в святилище Мисима в Мацуяме в 1933 г. Это первая стела с хайку Сики, появившаяся на Сикоку.

Хайку написана в 1895 году.
«Взявшиеся за руки сосны»
сохранились до наших дней.

49

花木槿（むくげ）家ある限り 機（はた）の音

Мальва цвету.

Из каждого дома несется
шум ткацкого станка.

Стела установлена возле дома
культуры Касури в Мацуяме.

Хайку написана в 1895 г.

50

西山に 桜一木のあるじ哉

В храме Нисияма
за хозяина одна
сакура в саду...

Стела установлена в святилище Нисияма в Мацуяме.

Хайку написана в 1892 г. и посвящена
памяти Ямаути Юэмона.

В эпоху Эдо Юэмон возглавил мятеж против токугавских властей на Сикоку. После поражения мятежников ему было приказано совершить сэппуку. Самоубийство Юэмона облегчило судьбу его семьи и других участников заговора. В дальнейшем Хисамацу Садаити, властитель феода Мацуяма, оценил мужество Юэмона и воздвиг в его честь синтоистское святилище Нисияма.

Могила Юэмона находится в буддийском храме Тёкю-дзи в Миюки.

51.

ものゝふの河豚（ふぐ）にくはるゝ悲しさよ

Какая печаль!
Рыбы фугу пожирают
храбрых воинов...

(На гибель торпедной лодки «Тисима»)

Стела установлена в храме Дзёфуку-дзи в Мацуяме к столетию реставрации Мэйдзи.

Построенная во Франции небольшая торпедная лодка «Тисима» затонула в 1892 г. при транспортировке в Японию при столкновении с английским торговым судном. Погибло 74 члена экипажа.

Стела установлена рядом с памятником морякам.

Хайку была написана в 1892 г.

52

酒ありめしあり十有一人秋の暮

Есть что выпить
и чем закусить –
Десятеро все заодно...

Стела установлена перед бывшим дебаркадером, где находилось корабельное агентство Кубота Кохэй в Мицухаме, куда 18 октября 1895 г. собрались друзья проводить Сики в Токио.

53.

名月や 伊予の松山 一万戸

Полная луна -
в краю Иё, в Мацуяме,
десять тысяч крыш...

Стела установлена в святилище
Ануми в Мацуяме.

Японская глазурированная серая
черепица блестит в свете луны.

Край Иё – область, в которой
расположен город Мацуяма (статус
города Мацуяма получила в 1889 г.,
когда в ней насчитывалось всего 7519
домов с тридцатью тремя тысячами
жителей).

54

春風やまりを投げたき草の原

Весенний ветер –
Бросил бейсбольный мяч
На травяной лужайке...

Стела установлена в токийском
парке Уэно.

55.

みちのくへ 涼みに行くや 下駄はいて

秋風や 旅の浮世の 果て知らず

Иду на восток
Вкусить прохлады
Натянув гэта...

Ветер осенний
Бренный мир – странствие
наше
Без конца и края...

Стела установлена в святилище
Годзётэн в Токио

56

寄席はねて 上野の鐘の 夜長哉

Без особых чудес
Вся долгая ночь-
Колокол бьет в храме

Стела установлена в святилище
Симодани в токийском районе Гинза.

Храмовый колокол в 19 веке бил
каждые 2 часа, отмеряя время по 12
стражам.

観音で雨に逢ひけり 花盛

У статуи Каннон
повстречался с дождем –
приношенья из цветов...

Стела установлена в храме Сэнсодзи, известном также как Асакуса Каннон и посвященном бодхисаттве милосердия Каннон (Авалокитешвара) в центральном токийском районе Асакуса.

雪の日の 隅田は青し 都鳥

В снежный денек
парк Сумида весь в сизых
«столичных птицах»...

Стела установлена в парке Сумида у берега реки Сумидагава в Токио.

Птицы миякодори – «столичные птицы» поэтическое название разновидности чаек, воспетой еще в 9 веке прославленным поэтом Аривару Нарихира в его странствиях вдали от императорской столицы Хэйан (Киото)..

59.

牡丹載せて 今戸へ歸る 小舟かな

В гирляндах пионов
возвращается лодка
назад в Имадо...

Стела установлена в парке
Ямадани в Токио на берегу
старинного канала.

60

雑闇や 熊手押あふ 酉の市

«Петушинный базар» -
подравнивают, прибирают,
сгребают граблями...

Стела установлена в Токио в
святилище Васи (Орла),
посвященном божествам
Амэнохиваси-но-микото и Ямато
Такэру-но микото).

Хайку связана с «петушиным
базаром» - праздничными торгами,
которые проводятся в храмах в
ноябре.

Наши переводчики

Александр Долин (р.1949) – российский востоковед-культуролог, писатель, переводчик классической и современной японской поэзии и прозы. Почётный профессор Международного университета Акита. Член Московской организации Союза российских писателей, член Российского ПЕН клуба и ряда международных научных обществ, член правления Всеяпонского Научно-исследовательского института национальной литературы.

Окончил Институт восточных языков при МГУ. После двадцати лет, проведенных в стенах Института востоковедения РАН, в 1990 году переехал в Японию, где работает и поныне.

1992–2004гг. – профессор русской литературы и сравнительного литературоведения в Токийском университете Иностранных языков.

С 2004 года и по настоящее время – профессор японской литературы и сравнительной культурологии Международного университета Акита (Япония).

Автор и переводчик более 60 книг, опубликованных на русском, английском, немецком и японском языках, а также большого количества статей в центральных японских газетах и журналах.

В 90–е годы выступал колумнистом в газете «Санкэй симбун» (рубрика «Форум культур»).

В начале девяностых опубликовал на японском языке две книги социально-психологических скетчей о российском обществе периода Перестройки, имевшие большой успех у читателя. Регулярно печатался в центральных японских журналах, публикуя аналитические статьи о социальных проблемах России.

Александр Долину принадлежат фундаментальные исследования по японской поэзии и поэтике, в том числе четырехтомная «История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах» (СПб., «Гиперион», 2007 – ныне опубликованная также на английском) и перевод японской «книги книг» поэтической антологии 10 века «Кокинвакасю» («Радуга», 1995. Удостоена премии «Выдающийся вклад в культуру» Всеяпонской ассоциации художественного перевода), а также антологий «Японская поэзия Серебряного века» («Азбука-классика», 2004, 2007, 2012), «Шедевры японской классической поэзии» («Эксмо», 2009), «Песни осеннего ветра» («Гиперион», 2015) и многих других.

Сборники и антологии японской поэзии в переводах А. Долина фактически представили российскому читателю обширную панораму японской поэтической классики с древности до наших дней.

Пристальное внимание специалистов по русской литературе привлекла монография А. Долина «Пророк в своем отечестве» (профетические и мессианские мотивы в русской поэзии и общественной мысли) (М., «Наследие», 2002)

С 80-х годов Александр Долин широко известен в СССР и позже в России как один из пионеров освоения восточных боевых единоборств, автор первого фундаментального исследования по истории и философии воинских искусств Востока. Тиражи многочисленных переизданий превысили миллион экземпляров. Книга «Кэмпо – истоки воинских искусств» (последняя расширенная и дополненная версия – изд. Ипполитова, М.2008) вот уже четверть века остается лонгселлером в России и на германоязычном рынке Европы.

В литературных кругах Александр Долин известен также как автор оригинальной философской лирики (избранные стихи опубликованы в сборниках «Одинокый всплеск», С-Пб., «Гиперион», 2010 и «Сутра гор и вод», СПб., «Гиперион», 2014) и книг художественной прозы, публикующихся под псевдонимом.

С 2004 по 2017 гг. профессор Долин преподавал японскую литературу, историю мировых цивилизаций и сравнительную культурологию в экспериментальном инновационном японском университете (Akita International University) на северо-западе острова Хонсю, где был удостоен звания Почетного профессора университета. В настоящее время продолжает исследования в Институте востоковедения РАН и занимается литературным творчеством.

В настоящее время Александр Долин является профессором Школы востоковедения ВШЭ, продолжает исследования в Институте востоковедения РАН и занимается литературным творчеством

Александр Долин

TO AUTUMN

К ОСЕНИ

* * *

A quiet lullaby of drizzling rain,
The soothing whisper of a falling leaf.
Deep in the ground dies a barley grain,
But it's descendants grow, fight and live.

The fall is short and winter will be long.
The white chrysanthemums are doomed to rot.
It's time to be courageous and strong -
To cast again the unforgiving lot.

* * *

Тихая колыбельная морозящего дождя

Утешающий шепот падающего листа.
Глубоко в земле умирает ячменное зерно,
Но его потомки растут, сражаются. Живут.

Осень коротка, а зима будет долгой.
Белые хризантемы обречены на гниение.
Время быть отважными и сильными
Чтобы бросить вновь безжалостный жребий

* * *

A willow stretched its threads upon a narrow stream,
Reflections slightly blurred and fading in the waters
The setting sun has sent its farewell beam,
Preparing for a night in its winter quarters.

* * *

Ива простерла свои нити над узким потоком.
Её отражение слегка размыто и тонет в воде. Закатное
солнце послало прощальный луч,
Готовясь к ночи на своих зимних квартирах.

* * *

A falcon soars high upon the hill.
It's vicious shriek resounding in the air.
The bird is hungry - it wants to kill
And it will strike - who knows when and where.

* * *

Сокол парит высоко над холмом.
Его злобный клич отдается эхом.
Птица голодна – она хочет убивать,
И она нанесёт удар – кто знает, когда и где...

* * *

Maples, elms and aspens, forming a palette,
Paint distant slopes in yellow, red and brown.
The wind has stopped. The evening grass is wet
The setting sun is slowly sliding down.

* * *

Клены, вязы и ясени, составив палитру,
Окрасили дальние склоны в желтый, красный и бурый.
Ветер утих. Вечерняя трава влажна.

Медленно скользит вниз закатное солнце.

* * *

Red leaves are gone and branches high above
Appeal to sky in everlasting sorrow.
They miss their youth, they mourn their timeless love
And humbly pray, uncertain of tomorrow.

As they recall and cherish days bygone
In their dreams, so misty and unclear,
Another leaf is falling all alone,
The last one - it's free from pain and fear.

* * *

Алые листья опали, и ветви в вышине
Взывают к небу в неизбежной скорби.
Они тоскуют по юности, по своей вечной любви
И смиренно молятся, неуверенные в завтрашнем дне.

Пока они лелеют в воспоминаниях былые дни,
Погружены в туманные, неясные грезы
Еще один лист падает в одиночестве,
Последний – он свободен от боли и страха.

* * *

It's time to celebrate and time to mourn.
Red fallen leaves are scattered on the path.
There is no hope for them to be reborn,
But fallen leaves are not afraid of death.

Winter comes to the withered field.
And chilly wind is blowing day and night.
The fallen leaves will rot - they simply yield
As they have no more will to fight

* * *

Время праздновать и время скорбеть.
Алые листья разбросаны по тропе.
Для них нет надежды на воскресение,
Но палые листья не боятся смерти.

Зима приходит на увядшее и высохшее поле.
Студеный ветер дует днем и ночью.
Опавшие листья будут гнить – они покоряются,

Ведь у них больше нет сил бороться...

* * *

A distant mountain range is turning white.
The leafless roan berry tree is red.
Cold western wind is blowing every night
Forecasting many gloomy days ahead.

This fall is passing - nobody to blame.
Frail snowflakes are dancing in the dusk.
They fly in silence past the window frame
And die just to accomplish their task.

They do not mourn, remorse, lament their fate.
Oh, life was short but still a Life it was.
It could be better... Isn't it too late
To plea for mercy or to make a pause?..

* * *

Белеют гребни гор вдали.
Краснеет рябиновое деревце с опавшей листвой.
Холодный западный ветер дует каждую ночь,
Предсказывая много ненастных дней впереди.

Проходит осень – некого винить.
Хрупкие снежинки танцуют в вечернем сумраке.
В тишине летят они мимо оконной рамы
И умирают, чтобы выполнить свое предназначение.

Они не скорбят, не ропщут, не оплакивают свою участь.
О, жизнь была коротка, но это была Жизнь.
Могла быть лучше... Но не слишком ли поздно
Молить о пощаде или приостанавливаться?..

* * *

A drop of water and a piece of bread -
That's all we need in this world of sorrows.
The day is over. Twilight waits ahead -
And after it eternal darkness follows.

* * *

Капля воды да кусок хлеба –
Вот всё, что нужно нам в этом мире печалей.
День кончился – далее ждут сумерки,

А потом наступит вечная тьма.

* * *

A hawk soars high and flies above,
As if to chase and tear a distant cloud -
Just in a dream: he is so old and stout,
Unable of hunting, alien to love.

* * *

Ястреб парит, взлетая все выше,
Будто стремясь нагнать и разорвать дальнее облачко,
Но лишь в мечтах – он так стар и толст,
Не способен охотиться и чужд любви.

* * *

A lonely cedar stands amidst a withered field
His helmet towering high against the grey horizon,
But all his strength is gone - where are his sword and shield?
From the winter dusk a gloomy sun has risen.

* * *

Одинокая криптомерия стоит посреди увядшего луга,
Шлем её возвышается на фоне серого горизонта. Но вся
его сила ушла – где его щит и меч?
Из зимней мглы поднимается угрюмое солнце.

* * *

Pomme-de-granate reclines upon the fence.
A giant palm tree overlooks the gate.
What is our life if not suspense
Designed and tailored by capricious fate.

Hibiscus blooms along the southern wall
And jasmine pours fragrance on the porch.
The sun in zenith tends to burn and scorch.
The space of shadows is desperately small.

The sky afar descends into the sea
And glistening waves keep rolling on the shore.
The time has come to listen and to see -

A chance like this will occur no more.

* * *

Гранат откинулся на изгородь.
Гигантская пальма нависла над воротами.
Что наша жизнь, если не загадочное приключение,
Придуманное и пригнанное капризной судьбой?

Гибискус цветет у южной стены.
Жасмин изливает аромат у крыльца.
Солнце в зените палит и обжигает
Пространство тени отчаянно мало.

Небо вдали нисходит в море,
И сверкающие волны накатывают на берег.
Настало время слушать и смотреть –
Такого шанса более не представится.

ДОГМЫ МАРСИЗМА

(Этот материал располагается за конкурной номинацией "Кот Марсель",
и здесь, на мой взгляд, напрашивается небольшое предисловие... На Ваше
решение...)

Александр Долин

На собственной мохнатой шкуре
Прочувствовав судьбу котов,
Сказать о ней в литературе
Марсель давно уже готов.
Одна лишь мысль его тревожит,
Одно сомнение томит:
Как Человек, тупой на вид,
Постичь кошачью душу сможет?

* * *

Когда ты юн, мечтателен и рыж,
Смотреть на мир всего приятней с крыш.

* * *

Есть три приоритета у кота:
Литература, Музыка, Мечта.

* * *

Кот любит музыку и спеть отнюдь не прочь,
Но для концертов он предпочитает ночь.

* * *

На летние луга уходит кот мечтать -
Там на него с небес снисходит благодать.

* * *

Есть и среди котов моральные уроды -
Увы, зависит всё не только от породы...

* * *

С дурной компанией коту не по пути,
Но мимо колбасы никак нельзя пройти...

* * *

Хороший кот, по сути, тем хорош,
Что лишь на самого себя похож!

* * *

В обмене опытом путь к общему успеху -
Кот любит поболтать с собратьями по цеху.

* * *

Коту простительны невинные забавы -
Коты во всех своих забавах правы.

* * *

Когда вокруг одни хорьки да крысы,
Коту приходится идти на компромиссы.

* * *

По дому кот всегда готов помочь -
На кухне он дежурит день и ночь.

* * *

Ночами кот парит в прекрасном сне -
Он мысленно готовится к весне.

* * *

Что могут люди предложить коту? -
Пожалуй, только вкусную еду.

* * *

Понятно каждому, имеющему зреньё:
Кто, если не коты венец творенья?!

* * *

Кот праведно живёт придерживаясь правил -
Ведь прав всегда лишь тот, кто правила составил.

* * *

Японские коты то сочиняют хайку,
То кошечкам своим рассказывают байку...

* * *

Кошачий мир ни узок, ни широк -
Благополучен, хоть и не роскошен.
У каждого свой маленький мирок,
Не так уж плохо скроенный для кошек.

* * *

В кино коту не нравится Арт-хаус -
Ему скорей по вкусу Мики Маус...

* * *

Пока хозяин предаётся сну,
Кот медитирует, взирая на луну...

* * *

Кот знает языки, но разве в этом дело?
Ему посредством слов общаться надоело!

* * *

Кот не читает книг, не пишет, не рисует,
Но мыслит, как Декарт, и, значит, - существует.

* * *

Кот хорошо владеет языком -
Опустошая миску с молоком.

* * *

От недосыпа не страдает кот -
Скорее, может быть, наоборот...

* * *

Достоинства кота в отсутствии амбиций:
Довольствуется тем, чего сумел добиться.

* * *

Зачем нужны хозяева коту? -
Чтоб оттеняли ум и красоту!

* * *

Не каждый кот, увы, философ и поэт,
Но чуждых красоте в семье кошачьих нет.

* * *

Не диво, что коту попалась в лапы мышка:
Ведь кот богат умом, у мышки же - умишко.

* * *

Кот ходит по двору и думает о вечном,
Вслух обсуждая тему с первым встречным.

* * *

К чему стремится кот? В чем видит идеал?
Да чтоб хозяин не надоедал!

* * *

В чем сущность бытия? - спросили у кота,
И, в миску заглянув, он фыркнул: "Пустота!"

* * *

Быть средоточьем мудрости кошачьей -
На том стою и не могу иначе!